

ВАСИЛЬ ХАЛИТОВ

ДЕФИЛЕ

Василь Халитов

Дефиле

«Автор»

2026

Халитов В.

Дефиле / В. Халитов — «Автор», 2026

Повесть сочетает элементы детектива, драмы и модного глянца, сохраняя баланс между напряженностью и юмором. События разворачиваются накануне престижной Недели моды в Милане. Главный герой, молодой художник Гвидо, спасает русскую девушку Наталью, сбежавшую от преступников, которые пытались превратить её в сексуальную рабыню. Гвидо вместе с братом Вико и другом Дези противостоят мафиози, преследующим Наталью. Параллельно идет подготовка к показу новой коллекции известного дизайнера Лукреции Кьеза, которая решает включить Наталью в своё дефиле. История достигает апогея на подиуме, где новая звезда демонстрирует невероятную пластичность и харизму, вызывая восторг зрителей. Особое внимание уделяется деталям, создающим реалистичную картину итальянской жизни: описания улиц, традиций, культурных особенностей, что помогает создать объемную атмосферу произведения.

© Халитов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Василь Халитов

Дефиле

Глава

У всякой истории есть начало и конец. Думаете, это банально? Ну, не знаю. Мне кажется, буквально все в природе пронизано этим словом. Сами посудите: любовь. Что, любовь? Это банально, старик. Дружба. То же самое. А как тебе прет-а-порте в Милане? Ха-ха. Ты меня рассмешил! Что может быть тривиальнее недели моды в нашем городе! Видите, циников ничем не прошибешь. Я вообще считаю, что беллетристу труднее всего оставаться банальным, рассказывая о вечных ценностях, а не о всякой непотребной мерзости. Вот вам начало истории.

В стильном альфа-ромео семидесятых годов с откидным верхом молодой симпатичный парень в темных кудрях а-ля Джо Дассен и пронзительно оливковыми глазами вел машину левой рукой, небрежно откинув локоть на дверку с опущенным стеклом. Он был в модном замшевом пиджаке и голубых джинсах. Рядом на переднем откинута сиденье полулежала совсем юная девушка. Ее спутанные, распущенные волосы цвета каштан не мог растрепать даже встречный ветер. Так обычно случается, когда ты попадаешь в соленую воду. Но о незнакомке чуть позже.

Правая рука водителя дотянулась до кнопки FM, нажала ее и покрутила громкость. Сентябрь на севере Италии выдался на славу теплым и мягким. 25 градусов по Цельсию. Молодого человека звали Гвидо. Ему совсем недавно стукнуло двадцать пять лет, и он мечтал стать знаменитым художником. Он еще раз с тревогой взглянул на девушку, поймал нужную волну в приемнике, вырулил на автостраду, ведущую к городу, и поддал газу. Сочно-красное авто влилось в шумный поток машин, мчащихся в четыре ряда. Из динамиков раздался голос женщины-диктора.

«Слушаем Радио Милана. Всем доброе утро и хорошего дня. Через семь дней наш город встречает гостей на Фешен Уик. Как всегда организацией недели занимается наш несравненный Марио Бозелли, уже не один год возглавляющий Национальную палату моды города. Приветствую Вас, Марио...»

Далее сеньор Бозелли перечислил все итальянские дома, начав с самых знаменитых участников: Дольче Габбана, Версаче, Гуччи и закончив Джорджио Армани и Прада.

Рука Гвидо нетерпеливо переключила поиск на следующую волну. Передавали криминальную хронику. Бодрый мужской голос жирным, задышающимся от удовольствия фальцетом смаковал разборку между Калабрийскими и Тосканскими дальнобойщиками, будто сам принимал активное участие в потасовке на трассе с использованием бит и монтировок. В конце выпуска он сообщил, что в заливе на песчаном пляже видели недвижимое тело какой-то девушки. Его, обмотанное зелено-бурыми водорослями, обнаружили местные мальчишки-подростки.

Услышав последнее сообщение, Гвидо поежился, чертыхнулся и не смог вместе с отвращением к потоку помойных подробностей, вываливаемых на радиослушателей, не удивиться и поразиться той быстроте, с которой новость про девушку на пустынном берегу уже попала на верхнюю строчку сообщений.

«Как это им удается?» – Подумал, обогнав тяжелый Паджеро, водитель красного спорткара. Он скосил глаза на осунувшееся лицо девушки: «Как оно прекрасно».

Молодой художник выезжал из города к заливу на пленэр, стараясь еще затемно поймать те первые краски, тот первый слой рассвета с его робкими розовыми и серыми тонами на фоне

темной морской волны, которыми так славились художники эпохи возрождения. Не все же расписывали фрески соборов, как Микеланджело. Но пленэр скомкался, не начавшись.

Там, на берегу, он спугнул ватагу местных подростков из прибрежного поселка и увидел ее. Тело девушки лежало на выпуклой, вздувшейся полосе песка и ракушечника. Из разорванного на бедре темного платья неопределенного цвета четко выделялся на бледной коже длинный продольный порез с запекшейся кровью.

Вначале молодой человек подумал, что это утопленница, и хотел взяться за мобильный телефон, но заметил, как хрупко вздрагивает синяя вена на тонкой шее. Девушка подавала признаки жизни и не собиралась умирать.

В квартире врач деловито убрал весь свой арсенал обратно в кейс, удовлетворенно посмотрел на ровную обмотку бинта на обнаженном бедре, под которым аккуратно вился непрерывный шов из кетгута по нежной девичьей коже. Затем сунул причитающиеся деньги в карман брюк и еще раз внимательно посмотрел на хозяина четырехкомнатной квартиры по улице Делла Спига. Район считался зажиточным, поэтому вызванный срочно доктор не удивился щедрой оплате.

- Вы не должны волноваться. Обычный обморок, но с легкими все в порядке, хрипов нет. После укола она поспит, это только на пользу...

Эскулап еще некоторое время рассуждал вслух о состоянии пациентки, его разбирало обычное человеческое любопытство: «Кто она? Откуда?».

Затем заметил, уже собираясь уходить:

- По виду ей не дашь больше шестнадцати лет. Мне кажется, что она несовершеннолетняя. Это совсем не мое дело, но будь я на Вашем месте, то точно обратился бы в полицию. А то хлопот не оберетесь.

Как только за доктором захлопнулась дверь, до Гвидо дошел смысл сказанного медиком. Действительно, ситуация могла оказаться щекотливой.

В то же утро в Милан по одному адресу позвонили с Корсики. Связь между Аяччо и Миланом действовала превосходно, но разговор шел по закрытой линии и вряд ли кто-нибудь мог его услышать.

Какой-то Фассендьере разговаривал с Ингорно.

- Слушай, дружище. Я отвалил за эту девку большие бабки перекупщикам из России. Она должна была отработать, ну ты понимаешь...

- Да, конечно. – Ингорно все понимал.

- Ну, так вот. Представляешь, шлюшка сбежала из дома, в котором мой племянник содержит всех этих доверчивых дурочек. Попутно она заколола охранника шилом.

- Вот бестия.

- Нет, ты представляешь?! Мы общарили все вокруг. В Аяччо ее нет, это точно. На острове тоже, я так думаю.

- К чему ты клонишь?

- Мои ребята слышали по радиоволне, что на берегу залива нашли девку.

- Ну.

- И непонятно, то ли живую, то ли мертвую. Потом ее кто-то увез. Просекаешь?

- Я все понял. Давай так, я позвоню в Геную к Чичомарко, пусть подключит ребят.

- Нет, нет, дорогой, это лишнее. Мы уже поинтересовались у него. Если бы ее увезли в Геную, Чичо наверняка бы все разнюхал. Кто-то из местных мальчишек видел, как тело погрузили в красную тачку и уехали на север. Ты понимаешь?

- Окей. Я закину маячки. Как только что-то прояснится, с тобой свяжусь.

В модном салоне на изящном стуле с тонкими ножками сидела дама в строгом наряде а-ля офисе - такая тройка: белая блузка, серая масляная юбка до колен и облегающий жакет из черных, белых и серых квадратов, приталенный в поясе. Во всей ее позе, точеных ногах с

туфлями в тон одежде, легком макияже лица и грустной улыбке припухлых губ чувствовался внутренний аристократизм и достоинство, завоеванное женщиной в пятьдесят лет упорным трудом и независимым характером.

Даже когда она держала в зубах шпильку и поправляла на затылке пышный узел темных волос, во всех ее движениях сквозило удивительное спокойствие.

- Хочешь беже? – Стоявший рядом с ней толстяк в мятом парусиновом пиджаке и таких же светлых брюках с удовольствием разглядывал женщину, всякий раз не переставая удивляться ее элегантности и исходящему от нее свету.

- Нет, Лу. Я вчера объелась спагетти с пармезаном. Сегодня у меня разгрузочный день.

Женщина продолжала улыбаться и наблюдала, как в холл стремительно вошли красивые длинноногие модели, по очереди здоровавшиеся с ней и Луиджи. Все шесть девушек обожали Лукрецию и Луиджи. Эта парочка, прозванная многими в мире фэшн-индустрии Лу-Лу, вызывала только уважение и признательность. Не одной обладательнице красивой фигуры дали они путевку в жизнь, украсив своими умопомрачительными нарядами, и втолковывая в их глупенькие головки самую главную мысль: «Кроме смазливой мордашки и привлекательного стандарта «90-60-90» в их ремесле неплохо было бы иметь еще и багаж из знаний, интеллекта и душевной щедрости».

Толстый дизайнер по очереди поцеловался в щеку с каждой из шести отобранных на Неделю моды девиц, при этом он держал в одной руке надкушенное пирожное, а в другой список с именами участниц дефиле от Прада, вслух сверился с именами каждой из них и тут же начал рьяно нагнетать атмосферу:

- Ну-ка, ну-ка, киски! Не расхолаживаемся! Быстро в примерку и переодеваться! Мы порвем всех нашей новой коллекцией «Гальваника» на этом чертовом шоу. Пусть у всех лица вытянутся от зависти! Что скажешь, Лукреция? – Он обернулся к спокойно сидевшей на стуле женщине и с улыбкой следил, как она медленно, изгибаясь, будто пантера, поднимается со стула.

- Да, дорогой мой. Ни мне, ни тебе не стыдно за проделанную работу. Мне даже кажется, что мы на этот раз превзошли самих себя.

- Точно, – подхватил ее компаньон и просто друг.

Талант Луиджи, при всей комичности его фигуры, при всей его горячности, одышке и любви к сладкому, и мучному заключался в том, что он, так же, как и она, стремился к совершенству в новых моделях одежды не через вычурность, а простоту, приближающуюся к идеалу. Нет, конечно, поиски идеала, так же как и поиски истины, недостижимы, но последняя коллекция, названная «Гальваникой», эдакая смесь черного цвета и серебра, показали даже ей вершиной их совместного творчества.

Вышедшие из примерочной девушки находились в коллективном шоке. На них все из подобранной одежды сидело так роскошно, так удобно и, главное, так красиво, что это не могло не отобразиться на их лицах. А уж девушки понимали толк в настоящем стиле.

- Так, милые!

Восторженные девичьи глаза тут же устремились к ставшему серьезным лицу одной из лучших модельерш Италии.

- Мне нужно не только и не столько ваше участие в шоу в виде профессионального дефиле по подиуму, но и ваш эмоциональный внутренний настрой, фиксация вашей точки невозврата, когда вы выйдете под софиты. Это понятно?

Девушки вслед за Луиджи кивали в такт словам обожаемой женщины, прекрасно понимая, какая на них ложится с этой минуты ответственность.

Шагнув к одной из моделей, Лукреция потрогала ее воротник, спросила:

- Не теснит ли? – И требовательно обернулась к дизайнеру, – Лу...

Луиджи тут же подозвал одну из помощниц, отвечающую за перешив, и они уже вдвоем внимательно начали изучать воротник легкого, почти воздушного платья, напоминающего черную ночь с посеребренной лунной дорожкой.

Она уже отошла в сторону и смотрела на девушек еще более критичным взглядом, стараясь заметить, не упустить хоть одну маленькую шероховатость, или неровную складку, ускользающую от глаз в повседневной суете раскроек и перешивов.

- Ладно, работайте, – устало обронила Лукреция и опять села на стул.

Пришел хореограф, специально выписанный их Франции месье Дегаль, худой мужчина, являвший полную противоположность фигуре Лу.

Толстяк присел рядом с Лукрецией, заверил, что с воротничком у девушки все в порядке и вместе с ней с удовольствием наблюдал, как француз работает с моделями.

Послушно выстроившись в линейку по указанию Дегаля, модели начали прогон под музыкальный фон из стоящих по углам стереодинамиков.

- А он ничего. – Заметил Луиджи.

- Да, – согласилась она, – знает свое дело. Мне его рекомендовал Кальво.

Пока Лу говорил о Кальво в самых лучших тонах и степенях, перед взором Лукреции встала ее бедная молодость, Флоренция, первая работа в мире моды, ее первый контракт, первый мужчина, ставший позже ее мужем. Да, все когда-то бывает в первый раз.

- Лу, ты помнишь наше палаццо Питти? Когда я вспоминаю, как мы начинали с тобой в любимой моему сердцу Флоренции, мне становится немножко грустно.

Прерванный на полуслове, Луиджи тут же заморгал глазами. Он всегда был очень сентиментальным и впечатлительным:

- Прошу тебя, Лукреция. – Он встал и заходил туда и обратно перед ней возле столика. – Если ты не остановишься, я заплачу. Ты же знаешь, там похоронены моя мама и твой муж с ...

Луиджи не договорил и снова сел на стул, кивая головой и повторяя вполголоса:

- Да, да, да, совершенно верно. Иногда по ночам мне снится наш первый выход на подиум и восхищенные овации публики...

- С голубыми шифонами? – Спросила Лукреция, стараясь не вспоминать остальное.

- Да, с голубыми шифонами. – Он привстал и неуклюже поцеловал руку женщины, с которой дружил и работал много лет.

Через минуту она ушла, посоветовав всем не расслабляться. Лу объявил перерыв. Принесли заказанную пиццу и пана коту. Никто не удивился уходу главного действующего лица. Все в группе знали, что перед прогоном Лукреция любит побродить по городу и успокоить нервы. А в Милане всегда было куда пойти.

Лукреция Кьеза прошла спокойным шагом от Гаттамелаты до Монтенаполеоне, притираясь к толпе. Ей нужно было размяться перед прогоном. Оставаясь наедине сама с собой, она могла спокойно разговаривать с покойным Джакомо и ... ах, моя девочка.

Она оглянулась на подсвеченные золотым светом бутики Прада, осталась довольной своим мыслям и еще раз убедилась в правильности выбора цвета в своей новой коллекции. От золота к серебру. Ее «Гальваника» стоит свеч. Боже, Санта Мария, сколько она думала над этим вместе с Лу.

Оба они знали, что в коллекции важно все: и форма, и цвет. Только тогда появляется настоящее содержание, то внутреннее состояние в одежде, которое так необходимо человеку. В этом месте Монтенаполеоне сужалась, образуя серый фон из арок в галереях. В одной из них, за стеклом мелькнула фигура павлина, выжидательно наклонившего голову. Лукреция остановилась, постучала ногтем по витражу:

- Ты живой?

Павлин не шевелился. Его выдало веко, быстро опустившееся и поднявшееся обратно над желтым глазом. За витражом появилась полная дама средних лет с короткой стрижкой в

простом платье и голубой кофточке. При появлении хозяйки большая птица тут же распушила лиловый хвост с зелеными разводами и издала пронзительный крик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.